

Городок в табакерке: политическое послание или критика утилитаризма

Антон Кондратенко, студент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва), aokondratenko@edu.hse.ru

В статье предлагается интерпретация сказки «Городок в табакерке» в двух плоскостях: сличение сказочного мира В. Одоевского с действительностью Российской империи XIX века и сведение взглядов автора на утилитаризм И. Бентама. Характер анализируемого произведения – детской сказки – позволяет лишь предполагать наличие скрытого смысла, зашифрованного политического или философского послания, из-за чего данная работа является вольным размышлением, попыткой взглянуть на знакомый текст под другим углом. Реконструкция взглядов Одоевского на утилитаризм подкрепляется обращением к другому, более серьезному сочинению – роману «Русские ночи». Из текстов автора следует, что бентамовская польза, возводимая в ранг главного принципа общества, стремится уподобить людей частям механизма, но человеческая природа не уживается под диктатом идеи, бросающей вызов чувственности и нравственности.

Ключевые слова: Одоевский, городок в табакерке, утилитаризм, Бентам, польза

Для цитирования: Кондратенко А.О. Городок в табакерке: политическое послание или критика утилитаризма // Метаморфозис. 2024. Т. 9. № 1. С. 10-21.

Дата поступления: 05.07.2024.

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ
ИЛИ КРИТИКА УТИЛИТАРИЗМА

Вторая четверть XIX столетия – исторический период, олицетворенный общеевропейским подъемом культуры, экономическим ростом и развитием мысли. Но, если в культурном плане русские интеллектуалы двигались в одном направлении с Западом (это доказывают феномены «русских европейцев» Пушкина, Вяземского), то с точки зрения политической Россия и Европа находились на разных полюсах. Правление Николая I началось с подавления внутреннего восстания декабристов, а уже к концу его царствования Россия имела образ, который позже нарекут «жандармом Европы».

В условиях жесткого противостояния властей Российской империи и европейских вольнодумцев, мечтавших о революциях и свержении монархий, русская мысль неизбежно «впитывала» в себя две непримиримые позиции, образующие политический фон: реакционную и либеральную. Полемика о «правильном» для России пути выразится в течениях западничества и славянофильства, отголоски которых обнаруживаются в художественной литературе и поэзии.

Одним из мыслителей, творивших в подобных непростых общественно-политических условиях, был Владимир Федорович Одоевский. Любопытен и «русский Фауст», Одоевский сочетал в себе интерес к прогрессу, заграничному дню, и активное участие в делах сегодняшних, насущных. Свои мысли он облакал в разные формы: от музыкознания до сочинений в жанре утопии. В данной работе мы хотим предложить «взрослый» взгляд на «детскую» сказку Одоевского «Городок в табакерке»: анализ идей и скрытых смыслов, зашифрованных в этом произведении.

Городок в табакерке – империя в миниатюре?

Городок Динь-Динь иерархичен. Самыми «маленькими» (во всех отношениях: как физически, так и статусно) являются «колокольчики». Мише – герою сказки – кажется, что все они одинаковые. Однако провожатый колокольчик не согласен:

- Нет, теперь уж меня не обмануть, – сказал Миша, – это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.
- Ан вот и неправда, – отвечал провожатый, – колокольчики не одинакие. Если бы мы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один, как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим? Это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос потолще; неужели ты и этого не знаешь?¹.

У «колокольчиков» нет образования, семей, досуга; вся их жизнь заключается в постоянном повторении действия – они звенят, рождая тем самым мелодию. «Колокольчики» отмечают незавидность своего положения:

¹ Одоевский В.Ф. Городок в табакерке. М.: ДА!Медиа, 2014. С. 9.

Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко, и золотые деревья, но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке с музыкой².

Особенно примечательна фраза «из городка мы ни пяди» – жизнь «колокольчиков» напоминает жизнь крепостных крестьян в России. Свою сказку Владимир Одоевский написал в 1834 году, а издана она была лишь в 1841 году. Крепостное право в России будет отменено 20 лет спустя – современные автору реалии быта большинства населения Российской империи весьма похожи на изображенную жизнь «колокольчиков» в табакерке: монотонная работа, исключая личностную реализацию (неспроста Мише все «колокольчики» кажутся неотличимыми друг от друга – разница понятна лишь им самим); невозможность вырваться за пределы табакерки (места службы); отсутствие счастья, семьи, возможности образования.

Интересен и эпизод, который можно трактовать как указание на пренебрежительное отношение интеллигенции к народу. Герой сказки, мальчик Миша, задает вопрос своему проводнику-колокольчику:

- Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите: динь, динь, динь!
- Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.
- Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что нехорошо привыкать к поговоркам³.

Несмотря на обидные слова, проводник указывает Мише на его поверхностный взгляд относительно собратьев-колокольчиков, объясняет мальчику устройство мира табакерки:

Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: впредь не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает и можно от него кое-чему научиться⁴.

Отношение к «маленьким людям», народу, станет одним из пунктов будущей полемики западников и славянофилов. Некоторые представители общественной мысли смотрели на простых людей искоса, не признавая за ними полезной роли в будущем «примирении» гражданского общества и народа; иные, напротив, замечали у народа те черты, идеалы и знания, которые должны были быть переняты интеллигенцией.

Сам же Владимир Одоевский не отвергал способность народа «сообщить» образованным людям нечто новое, другой взгляд на мир. Известно,

² Одоевский В.Ф. Городок в табакерке. М.: ДА!Медиа, 2014. С. 10.

³ Там же. С. 8.

⁴ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 9.

что «Одоевский всю свою жизнь стоял за просвещение»⁵: издавал журналы для крестьян, содействовал библиотекам и музеям, помогал нуждающимся⁶. Не будучи ярким славянофилом или западником, Одоевский в себе примирял разноликие идеи, никогда не упуская из виду главную цель – «дейтельную любовь к ближнему»⁷. Похожие мысли на страницах «Дневника писателя» выскажет позднее Ф.М. Достоевский, полагавший, что «контракт интеллигенции с народом» должен быть движением сонаправленным, с взаимным признанием достоинств друг друга⁸.

Существует у «колокольчиков» из табакерки и другая беда – «дядьки-молоточки». Их функция заключается в том, что они «ходят по городу да нас (колокольчиков – прим.) постукивают. Которые побольше, тем еще реже тук-тук бывает, а уж маленьким куда больно достается»⁹.

В образе «молоточков» можно разглядеть аллюзию на «охранителей» существующего режима: полицейских, чиновников. Подтверждает это и ответ «дядек-молоточков» на вопрос, чем они занимаются: «Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит»¹⁰.

Если «колокольчики» отвечают непосредственно за создание мелодии (т.е. воплощение целевого действия табакерки – создания музыки – завершается ими), то роль «дядек-молоточков» сводится, по сути своей, к контролю за исполнением задачи работниками. «Дядьки» – инструмент командующего «надзирателя», сами по себе они не проявляют инициативы и действуют исключительно по инструкции. В отличие от «колокольчиков» – маленьких, но сохраняющих, по собственному мнению, индивидуальность (они выполняют одинаковую работу, но делают это (звучат) по-разному) – «дядьки-молоточки» сливаются в единую, обезличенную функцию.

Взаимоотношения между «колокольчиками» и «дядьками» не обоюдоостры: первые воспринимают это лично, как вечное угнетение и «большую беду»; в то же время для других постоянный надзор за теми, кто слабее – это всего лишь работа, к которой стоит относиться равнодушно: приказ есть приказ.

Начальником «дядек-молоточков» является надзиратель Валик. Несмотря на то, что Валик – руководитель строгих «дядек», «колокольчики» не испытывают к нему враждебных чувств, какие они питают к исполнителям его приказов. Валик – ленивый, безынициативный «бюрократ»:

⁵ Сумцов Н.Ф. Князь В.Ф. Одоевский. Харьков: тип. М. Зильберберга, 1884. С. 36.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Речь идет об апрельском выпуске 1876 года «Дневника писателя».

⁹ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 11.

– А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу...¹¹

Все, что совершается подчиненными, Валику безразлично – его задача состоит лишь в том, чтобы «спустить» приказ по служебной лестнице. Вместе с «дядьками» он образует своеобразный бюрократический аппарат – обезличенный и абсолютно несоучастный, лишенный чувств и машинально исполняющий команды. Свои действия объяснить они не могут ничем, кроме как ссылкой на вышестоящего начальника. «Бюрократы» из табакерки не мыслят, они выполняют поручения механически – да и зачем задумываться, если спрос за работу все равно будет не с них? Они – всего лишь винтики системы, «проводники» идей командующего.

На вершине иерархии городка в табакерке находится «царевна-пружина». Ее образ подобен высшей (царской) власти – деятельной и инициативной, но не способной охватить все процессы и потому вынужденной делегировать полномочия.

– Сударыня-царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

– Зиц, зиц, зиц, – отвечала царевна, – глупый ты мальчик, неразумный мальчик! На все смотришь – ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, кабы за молоточки не цеплялся, молоточки бы не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц, зиц, зиц!»¹².

Миша, не поверив словам «царевны-пружины», решил удалить ее из цепочки механизма табакерки:

«В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались»¹³.

Мальчик убедился в исключительной роли пружинки, заводящей механизм музыкальной шкатулки. Остановив ее, он прекратил создание музыки – без «царевны-пружинки» ни один из подчиняющихся ей компонентов не смог дать импульс всему механизму, запустить процесс создания музыки. Ведь народ-«колокольчики» без присмотра надзирателей прекращает звенеть; надзиратели-«дядьки» без поставленной «начальством» задачи перестают наблюдать за работниками; начальник «дядек» Валик, полага-

¹¹ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С.12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же.

ясь в своих решениях исключительно на волю «царевны-пружины», в ее отсутствии также перестанет выполнять отведенную ему роль.

Из представленных выше примеров видно, что при определенном подходе сопоставление сюжета сказки Владимира Одоевского с реалиями устройства общества вполне возможно. Если автор действительно закладывал подобное прочтение своего текста, возникает вопрос – какова же мораль? Защищает ли Одоевский «царевну-пружину» или указывает на недостатки «возглавляемого» ею механизма?

Героя сказки – мальчика Мишу – увиденное убедило в правоте своего отца (тот говорил, что пружинку трогать нельзя, «иначе все изломается»¹⁴). Если принять версию, что табакерка – это Россия в миниатюре, а образ «царевны-пружины» является метафорой на императорскую власть, то сказка воспринимается как «охранительская»: нельзя, мол, трогать главное начало (царя), иначе весь механизм (государство) перестанет работать (существовать). В то же время все проблемы городка в табакерке – порождения исполнителей «поручений» пружинки; высшая власть имеет добрые и созидательные намерения, а вот произвол – дело рук ее помощников.

Если взглянуть на устройство музыкальной табакерки с других, более критических позиций, то сказка может быть интерпретирована как наглядная демонстрация «ущербности» изображенной в ней системы: ради некой идеи, заданной единолично, самые многочисленные, но при этом маленькие части механизма, вынуждены страдать всю жизнь; те, кто по своему статусу находятся между «царевной-пружинкой» и «колокольчиками», превращают свою жизнь в серое существование, примитивное служение цели. При таком устройстве практически никто уже и не довольствуется результатами своей работы – «колокольчикам» музыка надоела, «дядькам» и «надзирателю Валику» она безразлична и лишь одна «царевна-пружинка» понимает, как и для чего эта музыка создается.

Способен ли механизм музыкальной шкатулки работать, если из него вынуть один из элементов? Нет, потому что вся цепочка создания музыки – прямая последовательность, своего рода «лестница», имеющая задающий цель компонент и тех, кто эту цель воплощают в жизнь. Значит ли это, что принцип работы табакерки всегда будет сводиться к одной пружине, дающей всему начало и запускающей весь механизм? Можно ли внести изменения в конструкцию табакерки? Ответить на этот вопрос может, по словам отца Миши, «лишь тот, кто выучился механике»¹⁵.

Наставление отца своему сыну, герою сказки, приобретает особое звучание на фоне революционных событий, имевших место в дальнейшей российской истории. Волна террористических актов и насилия второй по-

¹⁴ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 14.

ловины XIX века походит на попытку остановить «царевну-пружину» немелкими руками. Намерение это может выходить из простого любопытства, свойственного молодым людям, однако последствия такого «любопытства» могут быть трагическими. И уроки следующего столетия доказывают это.

«Польза» Бентама в идеях Одоевского

Предположив в произведении о табакерке аллереорию на реальный социальный мир, мы обнаруживаем механистический характер сказки. Отсюда следует, что человеческое общество, как и любой другой механизм, должно иметь законы, в соответствии с которыми оно функционирует. Какой же закон «правит бал» в мире табакерки?

Само назначение музыкальной шкатулки подсказывает нам, что ее устройство преследует одну цель – создание мелодии. Работа каждого компонента этого механизма – колокольчиков, молоточков, валиков, пружины – нацелена на достижение известного результата. На пути к музыкальному звучанию все «жители» табакерки вынуждены исполнять наиболее пригодную для них роль: звенеть, стучать, крутить, толкать.

Очевидно, что ключевым критерием для определения функции каждого элемента шкатулки является польза, с которой часть механизма послужит общей цели. «Оживший» мир табакерки Одоевского показывает противоречивость подобного социального устройства – пока играет музыка, ее исполнители несчастны. Употребив свою жизнь на вечное служение одной цели, заданной кем-то другим, «жители» музыкальной шкатулки теряют смысл собственного существования.

Вероятно, глубина текста Владимира Одоевского не исчерпывается лишь иносказанием реальности и поучением детям – через механизизм сказки проявляется и возможная критика автором концепции утилитаризма, занимавшей в первой половине XIX века умы многих философов. Развивая эту мысль, попробуем сопоставить творчество Одоевского с философскими идеями основоположника утилитаризма Иеремии Бентама.

Припомним основные положения учения английского философа. Бентам отмечает, что человеком управляют страдание и удовольствие¹⁶. На основании этого Бентам провозглашает принцип полезности, где польза заключается в максимизации удовольствия и минимизации страданий. Этим принципом должно руководствоваться в жизни, ибо полезность суть «то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье, предупреждать вред, страдание, зло или несчастье»¹⁷.

¹⁶ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 1998. С. 9

¹⁷ Там же. С. 10

Несмотря на то, что удовольствие и страдание воспринимаются как категории чувств, «здание счастья» по замыслу философа будет возведено руками разума и закона¹⁸. Таким образом принцип полезности признает власть чувств над человеком и призван обуздать их при помощи разума.

Говоря об общественном устройстве, Бентам заключает, что интерес общества есть «сумма интересов его отдельных членов»¹⁹. Мысль простая, но противоречивая – каким образом противоположные интересы разных людей могут аккумулироваться в единую общую волю?²⁰ Полагая общество телом искусственным, составленным из отдельных лиц, философ предполагает единство поведения как одного человека, так и среди группы лиц – ведь безусловной основой всякой деятельности является принцип полезности. Соответственно, и желания, устремления всех людей должны быть схожими, ибо согласуются с общей идеей пользы.

Природу индивидов, принципы их поведения Бентам понимает очень упрощенно. Он категорично защищает свою позицию: «не было живого человеческого существа, как бы оно ни было тупо или извращено, которое бы не ссылалось на принцип полезности во многих, и, может быть, в большей части случаев своей жизни»²¹. Философ убежден, что «опровергать правильность этого принципа аргументами невозможно»²².

Таким образом Бентам подводит любую деятельность под общий знаменатель в виде пользы, что «на бумаге» выглядит несколько наивным. Более того, согласно его учению, руководящая жизнью человека польза непременно должна быть и пользой общественной²³, что накладывает определенные ограничения на личную свободу воли. Какими же будут последствия воплощения принципов Бентама не в отдельном философском трактате, а в реальном мире?

Владимир Одоевский попытался дать ответ на этот вопрос. Если в сказке о табакерке мы можем лишь предполагать авторское сравнение механизма музыкальной шкатулки с утилитаристским обществом, то в цикле «Русские ночи» Одоевский прямо высказывается об идеях Иеремии Бентама. Речь идет о рассказе «Город без имени».

В этом произведении Владимир Одоевский представляет читателям историю об одном фантастическом острове, на территории которого было

¹⁸ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 1998. С. 9

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Ж.Ж. Руссо разрешил эту проблему при помощи дихотомии «воля всех» – «общая воля», где первое понятие выступало как сумма всех частных волей, а «общей волей» была признана сумма частных волей, не учитывающая противоположные крайности среди них (т.е. общее «ядро» частных волей). Бентам же не вводит подобного разделения, из-за чего его тезис об общем интересе (воле) выглядит неоднозначно.

²¹ Бентам И. Указ. соч. С. 12.

²² Там же. С. 14.

²³ Фауст Одоевского заметит: «Бентаму, например, ничего не стоило перескочить от частной пользы к пользе общественной, не заметив, что в его системе между ними бездна».

основана колония Бентамия. Польза стала «заветным словом», благодаря которому колония процветала. Мораль и нравственность жителей этого острова напрямую зависели от принципа полезности, из-за чего каждое решение предваряло рассуждение на тему «полезно ли это?».

Пока Бентамия была единственным людским сообществом в том регионе, колония богатела и развивалась. Любые внутренние споры и недомолвки решались всеобщим признанием верховенства принципа пользы и отказом от частного блага в пользу общего. Однако при появлении на соседних островах других колоний бентамийцы принялись подчинять новых поселенцев своей выгоде: «лестию, коварством, деньгами, угрозами постоянно распространяли свою монополию»²⁴.

На смену общечеловеческим ценностям и морали была призвана польза конкретного сообщества – и члены этого сообщества, Бентамии, интересовались лишь своей жизнью. Такая «нравственная близорукость» привела к тому, что Бентамия, изначально успешно проводившая экспансию в регионе, стала истощаться сама. Взаимодействия с внешним миром вызывали острые противоречия внутри самой колонии, и каждая сторона в споре обосновывала свою правоту принципом полезности. Золотое правило, когда-то приведшее колонию к славе, оказалось отличным инструментом для манипуляций и искажения реальности отдельными людьми, действующими собственным корыстным интересам (в интересах своей пользы).

Знаменитая «общая воля», о которой писал Бентам, оказалась не более чем волей ограниченного, пусть и немалого, круга лиц. Если на первых порах при принятии решений в Бентамии в расчет не брались лишь интересы иностранцев, а благо своего народа умножалось, то спустя некоторое время перестали учитываться голоса и желания уже части собственного населения. Конфликты между согражданами по поводу пользы того или иного действия доказали неуниверсальность принципа полезности, ранее казавшегося панацеей.

История о Бентамии, придуманная²⁵ Владимиром Одоевским, помогает понять фундаментальные проблемы учения Бентама. Нравственность, сведенная к пользе, оказывается поставлена на службу эфемерной выгоде, благотворный эффект которой ограничен в своем распространении. Самое благотворное устремление, имеющее в основании исключительно утилитарную мотивацию, превращается в оружие, направленное не только против других, но и против своих же создателей. Попытка подчинить реальность холодному расчету наталкивается на непреодолимую природу эмоций и чувств, рано или поздно берущих верх над людьми.

²⁴ Одоевский В.Ф. Ночь пятая. Город без имени // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Ленинград: «Наука», 1975. С. 65.

²⁵ Как и в случае со сказкой о табакерке, новелла «Город без имени» намекает на реальное общество людей. Вероятно, прототипом Бентамии являются Соединенные Штаты Америки.

Колония бентамийцев не смогла уподобиться идеально выверенному механизму музыкальной табакерки: польза не стала добродетелью, счастье оказалось недостижимым для жителей всей колонии и ее окрестностей, а казавшийся универсальным и однозначным принцип полезности не смог обеспечить стабильность и процветание. В критические моменты стало ясно, что общество, поклонявшееся пользе, оказалось не монолитом, а разнородной амальгамой, в которой личная выгода значила куда больше, чем общий интерес.

Заменив нравственность полезностью, утилитаризм привязал счастье к накоплению, потреблению и желаниям, не имеющим границ. Малейшее колебание на пути к пользе вызывало хаос в обществе бентамийцев, ослабляло фундамент «здания счастья», о котором грезил Бентам. Бесконечная гонка за материальным не оставила шансов людям, напрочь отказавшимся от духовного. Попытки сохранить процветание колонии утилитаристов вылились в захватнические войны, эксплуатацию и уничтожение других народов, но в конечном счете погубили и самих архитекторов Бентамии. Один римский поэт заметил: «от пользы до справедливости так же далеко, как от земли до звезд». Вероятно, это изречение могло бы стать хорошим эпиграфом для учения Иеремии Бентама.

Вместо заключения

В детской сказке Владимира Одоевского можно обнаружить несколько смысловых уровней: от тайного политического послания до критики философской системы. Следы размышлений автора об утилитаризме и вовсе ведут к другому произведению – философскому роману «Русские ночи». Кажется, что Владимира Одоевского всерьез волновала перспектива становления учения Бентама новой «путеводной звездой» человечества (очевидно, губительной, по мнению самого «русского Фауста»).

Не стоит, однако, забывать, что поиск глубинного смысла и ответа на вопрос «что имел в виду автор» таит большую опасность – увлекаясь своей интерпретацией, можно коренным образом исказить оригинальный посыл творца. Мы вольны лишь предполагать, строить догадки и предлагать новые прочтения текста.

Безусловно, сказка «Городок в табакерке» предназначена, прежде всего, для детей. Однако идеи, которые взрослые стремятся передать подрастающему поколению, часто имеют вневременную ценность. Это значит, что обращение к подобным текстам даже во взрослом возрасте остается актуальным. Именно с этих «взрослых» позиций можно выявить раннее непознанные смыслы, «перепрочесть» мир вокруг себя. История о Бентамии представляет собой цельное размышление Одоевского об утилитаризме как идее разрушительной, теряющей свое созидательное начало при малейшей смене обстоятельств.

Связана ли детская сказка с взрослой притчей? Несет ли она в себе скрытый политический посыл?

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.
А.С. Пушкин

Литература

- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.
- Одоевский В.Ф. Городок в табакерке. М.: ДА!Медиа, 2014.
- Одоевский В.Ф. Ночь пятая. Город без имени // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Ленинград: «Наука», 1975. С. 60-72.
- Сумцов Н.Ф. Князь В.Ф. Одоевский. Харьков: тип. М. Зильберберга, 1884.

References

- Bentam J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the foundations of morality and legislation]. Moscow: "Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija" (ROSSPJEN) Publ., 1998 (In Russian).
- Odoevskij V.F. *Gorodok v tabakerke* [A town in a snuffbox]. Moscow: DA!Media Publ., 2014 (In Russian).
- Odoevskij V.F. Noch' pjataja. Gorod bez imeni [The fifth night. A city without a name], in Odoevskij V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad: "Nauka" Publ., 1975. P. 60-72 (In Russian).
- Sumcov N.F. *Knjaz' V.F. Odoevskij* [Prince V.F. Odoevsky]. Har'kov: tip. M. Zil'berberga Publ., 1884 (In Russian).

“The Town in a Snuffbox”: a Political Message or a Critique of Utilitarianism

Anton Kondratenko, student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), aokondratenko@edu.hse.ru

The article offers an interpretation of the fairy tale “The Town in a Snuffbox” in two planes: the comparison of V. Odoyevsky’s fairy tale world with the reality of the Russian Empire of the XIX century and the comparison of the author’s views on Jeremy Bentham’s utilitarianism. The type of the analysed work - a children’s fairy tale - only allows us to assume the presence of a hidden meaning, possible political or philosophical message, which makes this work a free reflection, an attempt to look at a familiar text from a different angle. The reconstruction of Odoyevsky’s views on utilitarianism is supported by reference to another, more serious work - the novel “Russian Nights”. It follows from the author’s texts that Bentham’s utility, elevated to the rank of the main principle of society, tends to liken people to parts of the mechanism, but human nature does not get along under the dictate of the idea that challenges sensuality and morality.

Keywords: Odoyevsky, town in a snuffbox, utilitarianism, Bentham, usefulness

For citation: Kondratenko A.O. (2024) “The Town in a Snuffbox”: a Political Message or a Critique of Utilitarianism // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 1. P. 10-21.

Date of receipt: 05.07.2024.